

are somehow connected with the translated work. Only with this approach, the translator will be able to transform into this writer for a while and "speak" in his voice. At the same time, he uses his creative potential, his ability to create a literary text in the translating language, but, having completely switched to the author's aesthetic system, tuned in to his style, he becomes the "authorized representative" of the original creator [2].

The ability to get used to the worldview of a writer-representative of another culture can appear in a translator in two cases. First, if he, having mastered all the variety of expressive means of the translating language, is still not a fully independent artist-creator, i.e. the translator does not have his own creative manner of writing, and therefore he has a high degree of adaptability. Secondly, if he translates a writer who is close to him in his outlook and creative method. The translation of authors who are foreign to the translator leads either to an involuntary desire to correct, edit, as is done in Balmont's translations, or to emphasize all those features of the author's style with which the translator does not agree. Remembering that this contradicts his own style, the translator pays special attention to the unusual features of artistic writing in the original, thereby unwittingly (and sometimes deliberately) exaggerating them in translation. This translation is called polemical.

Thus, the reconstruction of the image of the author in all his individuality in the translation is possible only if the translator is a creative person with rich personal experience and a high degree of adaptability and if he creates his translation on the basis of the deepest penetration into the system of worldviews, ethical, aesthetic views and artistic method of the author.

### *References*

1. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Сов. писатель, С. 212.
2. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 2003. 605 p.

УДК 811.11-112

*О. Г. Скидан (Севастополь, Россия)  
Севастопольский государственный университет*

### **К вопросу о передаче эмотивности при художественном переводе (на материале цикла историко-приключенческих романов У. Смита «Ballantyne»)**

В статье представлен фрагмент сопоставительного переводческого анализа англоязычного художественного текста из цикла историко-приключенческих романов У. Смита

«Ballantyne» и его русскоязычной версии. Проанализированы аспекты эмотивности текста, представляющие наибольшую сложность при переводе.

**Ключевые слова:** эмотивность, эмотивный текст, экспрессивная конкретизация, модальность

Произведения Уилбура Смита отличаются высоким уровнем эмотивности, для реализации которой автор использует комплекс лингвистических средств выразительности. В основных линиях сюжетов произведений Смит апеллирует к гуманитарной составляющей социальной морали, будь то отношение к животным или судьба народов Черного континента, который является родиной писателя. Идиостиль У. Смита отличается экспрессией, образностью, эмотивный фон его произведений окрашен в яркие тона. Зачастую в произведениях У. Смита эмотивная лексика граничит со сниженной, первые произведения автора подвергались остракизму.

Под эмотивным текстом принято понимать «высказывание, сформулированное одним или несколькими предложениями, которое наравне с факультативной передает и эмоциональную информацию (или только ее) с помощью как минимум одного эмотивного средства – лингвистического или паралингвистического, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами в данной ситуации» [1, с. 68].

Рассмотрим переводческие аспекты, представляющие наибольшую сложность при передаче эмотивности.

– *Denver, Colorado, **forsooth!** Craig thought and was surprised at his own bitterness, at the depths of his sudden resentment. How dare a **damned** foreign girl-child encapsulate so unerringly the complex spirit of a people in this portrait of a young woman* (Smith W. The Leopard Hunts in Darkness).

– *Денвер, Колорадо, **как бы не так!** – подумал Крейг и поразился силе и глубине чувства обиды. Как посмела **эта малолетняя иностранка** так безошибочно выразить сложный характер народа в портрете одной женщины!* (Смит У. Леопард охотится в темноте).

Прямая речь персонажа является крайне эмоциональной, что реализуется в тексте при помощи восклицательного предложения и эмотивного наречия *forsooth*, обычно употребляемого с целью придать речи оттенок иронии или юмора. Во внутренней речи персонажа присутствует стилистически сниженная лексика *damned*. В авторской речи категория эмотивности актуализируется через такие эмотивы, как *resentment* и *bitterness*, в семантике которых содержится сема «обида». В переводе данного фрагмента наречие *forsooth* передано с помощью антонимического перевода *как бы не так*, благодаря чему сохранилась ироничность и эмоциональность оригинала. Прилагательное *damned* компенсировано с помощью словосочетания *эта малолетняя иностранка*, которое при-

дает речи нужный эмоциональный оттенок. Также переводчик прибегнул к приему экспрессивной конкретизации: *was surprised* – *поразился*. Прием экспрессивной конкретизации при переводе заключается в замене стилистически нейтрального английского слова или выражения экспрессивно-эмоциональной единицей в русском языке. Сравнивая перевод с английского языка на русский, мы часто отмечаем, что вместо нейтральных слов исходного языка переводчик использует экспрессивно окрашенные слова языка перевода. Данное явление объясняется тем, что наряду с более ярко выраженной экспрессивностью лексика русского языка отличается и большей конкретностью.

*Such behaviour instantly precipitated a wild panic amongst the **fiercely competitive** little community of diggers along the river* (Smith W. Men of Men).

*Подобное поведение мгновенно вызвало дикую панику в маленьком сообществе **готовых перегрызть друг другу глотки старателей*** (Смит У. Лучший из лучших).

Эмотивный интенсификатор *fiercely* иррадирует эмоциональный заряд на нейтральное окружение, что в переводе воплощается в виде экспрессивной конкретизации *готовых перегрызть друг другу глотки*. Это придает повествованию более эмоциональную окраску, лучше раскрывает характер действующих лиц, формирует у читателя отношение к ним и сохраняет прагматику.

*It was dreary, back-breaking work and after the first rush of **hopeful** diggers only the **hardest** had remained* (Smith W. Men of Men).

*Ужасная работа изматывала, и после первого наплыва **жаждущих обогащения** старателей остались лишь самые стойкие* (Смит У. Лучший из лучших).

В данном примере экспрессивно-прагматическая конкретизация сочетает в себе эмоциональную окраску с логической основой. Переводчик, заменяя прилагательное *hopeful* причастным оборотом *жаждущих обогащения*, исключает незаконченность мысли, которой не может быть в русском языке, однако в английском встречается довольно часто. Кроме того, мы наблюдаем полную грамматическую трансформацию в первой части предложения: замена прилагательного *back-breaking* на глагол *изматывала* обусловлена необходимостью соблюдения норм переводного языка.

*Father dear, you have just jumped off the cliff of your own argument. She laughed. If I am what you say I am, then how can you prevail on me to abandon you?* (Smith W. The Triumph of the Sun).

*– Папочка, дорогой! Ты же сам себе противоречишь! – рассмеялась Ребекка. – Если я хозяйка дома, то, как можно настаивать, чтобы я оставила тебя одного?* (Смит У. Триумф солнца).

В данном предложении субъективная модальность выражает эмоциональное отношение героини. Модус «удивление» в английском тексте реализу-

ется личной формой *how can you*, тогда как в русском – безличным оборотом *как можно*. Эмотивность данного отрывка усиливается фразовым глаголом *jump off*, а в русском языке эмотивность достигается за счет использования двух восклицательных предложений.

*He had a reputation at stake* (Smith W. The Leopard Hunts in Darkness). **На карту** была поставлена его репутация (Смит У. Леопард охотится в темноте). При переводе фразеологической единицы *at stake* переводчик применяет аналоговый перевод *на карту была поставлена*. Русская ФЕ совпадает с оригинальной по образному значению, литературному смыслу, эмоциональному характеру и стилистическим особенностям. Также наблюдается полная грамматическая трансформация, обусловленная нормами языка перевода.

Хотя снятие образности нельзя назвать оптимальным вариантом при переводе ФЕ, в тех случаях, когда образность ФЕ исходного текста не воспринимается на языке перевода, ее опущение нельзя назвать потерей для перевода: *I'll take the ball a while, Ashe, he said* (Smith W. The Leopard Hunts in Darkness). **Позволь мне продолжить**, Эш, – сказал он (Смит У. Леопард охотится в темноте). В данном примере мы наблюдаем редуцирование фразеологической единицы *to take the ball and run with it*. По причине отсутствия в русском эквивалента переводчик применяет описательный перевод.

Экспрессивные речевые акты часто присутствуют в диалогической речи:

– *Name of the great snake, there are dead men here, dead men's bones. I am coming up, pull me up!*

– *Jan Cheroot, is there a tunnel leading off from the cave?*

– *Pull me up.*

– *Can you see a tunnel?*

– *Yes, now will you pull me up?*

– *Not until you follow the tunnel to the end.*

– *Are you mad? I would have to crawl on hands and knees* (Smith W. The Angels weep).

Помимо ярко выраженных эмоционально окрашенных слов и выражений (*name of the great snake, mad*) эмотивность данного диалога достигается с помощью фразовых глаголов *pull up, come up, lead off*, повторов *pull me up, dead men* и риторического вопроса *Are you mad?*

– *Во имя великой змеи, здесь мертвецы! Здесь скелеты! Скорее вытащите меня отсюда!*

– *Ян Черут, из пещеры есть какой-нибудь выход?*

– *Вытащите меня!*

– *Ты никакого прохода не видишь?*

– *Вижу, вижу, а теперь вытащите меня отсюда!*

– *Нет, сначала пройди по этому проходу до конца.*

– *Да ты спятил! Мне придется на карачках ползти!* (Смит У. И плачут ангелы).

Переводчик сохраняет эмотивность путем добавления таких слов, как *скорее* и *отсюда*. Вопросительное предложение *Are you mad?* переводится восклицательным *Да ты спятил!* Эмотивность модального глагола восполняется эмотивно окрашенной лексемой *на карачках*.

Проведенный анализ показывает, что лексический уровень, по сравнению с синтаксическим, ставит перед переводчиком несколько более сложные задачи, однако он же и предоставляет широкий репертуар средств для решения этих задач. На лексическом уровне русскоязычные переводы обнаруживают тенденцию к более подробному, многословному изложению эмоционально нагруженной информации. При передаче эмотивности на русский язык характерно применение экспрессивной конкретизации. Кроме того, английский язык допускает недосказанность, которая зачастую выступает в роли эмфазы. При переводе таких моментов применяется приём экспрессивно-прагматической конкретизации и описательный перевод.

### *Литература*

1. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983. 326 с.

УДК 811.11

*Е. С. Сотникова, Л. Р. Хомкова (Иркутск, Россия)  
Иркутский государственный университет*

### **Специфика употребления политико-экономических эвфемизмов в современном немецком языке**

В статье рассмотрена специфика употребления эвфемизмов в социально-политической и экономической сферах. Анализируются особенности их функционирования в политическом дискурсе современного немецкого языка.

**Ключевые слова:** политический дискурс, политико-экономические эвфемизмы, внешняя и внутренняя финансовая политика

Политика, как общественное явление, не существует вне деятельности отдельных индивидов и социальных групп, вне коммуникационных процессов. Как подчеркивает Р. Ж. Шварценберг, политическая коммуникация – это «совокупность действий, направленных на передачу политической информации, с